

Даурен Қыят

«ПИГМАЛИОН» ИЗ ТУЩИБУЛАКА

Слишком высоким он не был, но рослым уж точно считался. Поджарое тело делало его похожим на шест. Ровесники подтрунивали над долговязым приятелем: «Девчатам тебя и ущипнуть-то не за что». Кстати, девушки в ауле не задерживались. Окончив школу, черноглазые милашки быстренько сматывались в город. Если бы не это обстоятельство, то жизнь в ауле можно было бы назвать веселой. С утра до вечера она была здесь ключом; мало кто с жиру бесился или от работы отлынивал: все были постоянно чем-то заняты. Но при этом нельзя сказать, что жителей не интересовало происходящее в мире. Здесь бурно обсуждали политику, с интересом смотрели кино, увлеченно читали книги. У каждого табунщика и пастуха за голенищем сапога обязательно имелась зачитанная книга с обветшавшей, затертой обложкой. К поэтам и прозаикам отношение тут всегда было почтительным. Мечтали: «Вот если бы они заглянули к нам в аул!»

Давным-давно сюда приезжал сам Мукагали. В каждом доме хранилась фотография, на которой вместе с аульчанами был запечатлен великий поэт. Поглаживая тот пожелтевший от времени снимок, и стар и млад восхищенно восклицали: «А вот Мукагали!» То ли шаир¹ благотворно повлиял на них, то ли жизнь на лоне живописной природы сделала их столь сентиментальными, но жителей Тущибулака всегда впечатляло всё красивое, необычное. Все, как один, ораторы, они могли внезапно выдать экспромтом одиннадцатисложный стих – кара олен². Ах, если бы поэты, сетующие, что в наши дни не осталось читателей, приехали в этот отдаленный аул, прихватив с собой свои творения! Тогда бы они убедились в том, что остались еще ценители поэзии! И тогда бы их с наивной непосредственностью и радушием первым встретил долговязый Кареке. «Остановитесь, пожалуйста, – обратился бы он к гостям. – Позвольте снять вас на память». У Кареке и в помине не было фотоаппарата, но он своими длинными пальцами изобразил бы, будто держит его, нацеливаясь и щелкая: «Кжи-ик». «Не волнуйтесь, пото³ ваше будет готово завтра». А на следующий день Кареке принес бы нарисованный один в один карандашный портрет... Жители аула давно уже перестали удивляться и восхищаться этим искусством Кареке – привыкли; ценят и уважают. Очень часто обращаются к нему с просьбами:

¹ Книжное «поэт», аналогичное русскому «пиит».

² Одна из наиболее употребительных форм в казахской народной поэзии.

³ Искаженное: фото.

– Кареке, завтра сынок мой в школу идет, «сними», пожалуйста, его, пусть смотрит и вспоминает, когда подрастет.

– Кареке, деверек, мы тут собираемся устроить той в честь сорокалетия нашей совместной жизни с отагасы⁴, хотим пригласить родных и близких, друзей-приятелей, придумай что-нибудь. Я говорю о снимке, чтобы мы на нем сидели, прижавшись друг к дружке головами.

– О, Кареке, загляни к нам в гости на праздник Наурыз, прежние снимки, похоже, надо бы обновить...

Иногда к Кареке, который и без того был занят по горло выполнением подобных просьб и обращений, приходили старики и старухи и сетовали: «Начальство говорит: “Сделай новые снимки на пашпырт⁵”». Кареке никогда не заставлял пожилых людей упрашивать себя дважды: «Ну, устраивайтесь поудобнее, вот здесь, у кереге⁶, где висит белое покрывало», – и тут же «щелкал» их. Работники паспортного отдела, рассматривая нарисованные в формате «три на четыре» или «четыре на пять» рисунки самородного таланта из Тущибулака, не раз диву давались.

«Почему этот парень не уедет куда-нибудь подальше из своего аула?!» – вопрошали они, переглядываясь друг с другом. Но что поделаешь, может быть, Кареке давно бы уже улетел куда-нибудь, так ведь мать не отпускала. То и дело канючила, выжимая скупую слезинку: «Единственный ты у меня, светик мой, пропади пропадом этот город, лишь бы ты всегда был рядом». И пришлось ему в конце концов махнуть рукой на свою мечту стать известным художником. Но карандаш он всегда таскал в кармане. Оторванный листок ученической тетрадки, даже коробка из-под конфет, да хоть белая материя – на всё, что попадалось под руку, он мгновенно наносил рисунок, если вдруг выпадал случай. Наверное, не осталось ни одного уголка в прежнем посёлке, называемом нынче в народе «перме⁷», который бы не попал под карандаш долгоязого художника...

Много лет уж прошло с тех пор, как на листы бумаги, попавшиеся под руку Кареке, были перенесены сломанный плуг, проржавевшая под солнцем борона, кузница с дверью без навесного замка, бетонная баня с трубой, покрытой густым налетом сажи, высокие чинары, устремленные прямо к синеве, галдящие и гогочущие в озерке дальнего оврага гуси и утки, резвящиеся жеребята-сосунки да стригунки, кривой, перекошенный мост, ребристые дороги, тропинки, всадник, внезапно возникший на вершине холма, покрытые жестью крыши сараев – вплоть до белых полос, потеков от птичьего помета на них.

Не забывал запечатлеть Кареке и времена года. Вот, например, прошлогодняя зима. Снег выпал тогда тонким слоем. Пороша, гололедица. Ферма смотрится уныло. Ощущается студеное дыхание холодного ветра, непрерывно дующего с Суыкса. Прохожие, съезжившись, бредут по улице. Теленок со звездочкой на лбу дрожит и прижимается к брюху матери. Суетливо мечущиеся в воздухе вороны, превратившись в черные точки, словно неподвижно застыли с расправленными крыльями. Трескучий мороз накрыл собою весь простор, словно чапаном. Тускло, едва заметно мерцают высоко в небе Плеяды. А это – уже нынешняя зима: девственно белый снег, млеющий под покровом ночи аул. Млечный Путь, рас-

⁴ Уважительное обращение к главе семьи, к супругу, а также упоминание о нем в разговоре.

⁵ Искаженное: паспорт.

⁶ Деревянная решетка, образующая круглые стены юрты.

⁷ Искаженное: ферма.

кинувшись между севером и югом, пополам рассек собой звездное скопление. Конь, впряженный в сани, выпускает из ноздрей клубы пара. А в санях сидит, покачиваясь, человек в мерлушковой шубе, покрытой инеем. В самом низу картины, названной «Воспеваю зиму», Кареке написал следующее четверостишие:

Словно тайну таят глубокую звезды,
Мир в песню одну окунулся, как в грезы,
Сладко дремлет в ночи аул под луной,
Одеялом белым накрывшись в морозы.

В следующих картинах нашли отражения весенние, летние, осенние пейзажи. Окуная кончик кисти во все краски родной земли, Кареке написал удивительные картины. Он настоящий мастер, порождающий краски из красок. Множество разнообразных оттенков синего цвета он смог отразить в своей картине «Весна во время разлива озера»! Синий, густо-синий, темно-синий, сумрачно-синий, бледно-синий, чернильно-синий, сизый, серо-синий, ковыльно-синий, лазурный, голубой... Вот сколько всего он нашел! «Здесь я использовал 47 оттенков синего цвета, – говорит Кареке, – и немного поспешил, если бы я подольше обследовал окрестные горы, то обнаружил бы еще с добрый их десяток». Жители Тущибулака не находят слов и от растерянности лишь только восклицают: «Надо же, поглядите-ка на сломанный плуг!», «А вот кривой мост!», «Посмотрите на кузницу!», «Эй, да ведь это же прошлогодняя зима?!», «А это – нынешняя весна, ну, прямо точь-в-точь!».

У Кареке есть и другие особенные рисунки. Но показывать их аульчанам он стесняется. Долговязый Кареке – джигит застенчивый. Особенно сильно стесняется и совсем уж робеет, стоит его сверстникам заикнуться о девушках да молодухах. Ведь хотя ему уже под тридцать, он никак не может завести семью. «Эй, Кареке, ну до каких пор будешь сидеть, обняв голые колени, женился бы ты наконец», – твердят ему сверстники. «Куда торопиться?! Встретится еще кто-нибудь», – пытается избежать продолжения разговора Кареке. «Послушай, Кареке, мы уговорим девушку, ты только дай согласие, что женишься на ней». – «Ну, если девушка согласится, то почему бы и не жениться?» – «Давай тогда по рукам, мы тебе до конца этой недели невесту найдем». Неоднократно ровесники снаряжали Кареке в поход в соседние аулы. Повсюду, где находились совершеннолетние девушки или же засидевшиеся в отчем доме старые девы, бывал Кареке, ведомый своими доброхотами. Со многими девушками он виделся, но ни с одной не находил общего языка. А не находил его по следующим причинам. Во-первых, выглядел перед девушками неуклюжим и робким. Во-вторых, Кареке – человек, привыкший говорить книжным языком. В разговоре с ними то и дело вставлял он непривычные для их слуха слова: «разумеется», «да что вы говорите?», «вероятно», «прошу прощения», «почему бы не прийти к согласию?», «было бы лучше», «по мере возможности», «мархаббат». Делал он это не из-за того, что хотел показаться всем очень уж учтивым и чрезвычайно умным, а просто следуя своей привычке. Кареке говорит так с тех самых пор, как стал взрослым. Оставшись наедине с бойжеткен⁸, он сразу же начинает переходить на книжный язык...

– Сестрёнка, пусть вас не смущает, кто это, мол, такой, набрался наглости встретиться с вами наедине посреди ночи, когда все уже спят. Я из тех несчастных, кто ищет свою половинку.

⁸ Так называют совершеннолетнюю девушку.

Как тут недалекой, с коротким умом, косноязычной, скупой на чувства девушке, никогда прежде в своей жизни не слыхивавшей таких слов, не подскочить от удивления:

– Что вы сказали? Кого, говорите, ищите?

Кареке пытается выразиться понятнее:

– Я имею в виду свою пару, спутницу жизни.

– А-а... Чем вы занимаетесь?

– Занимаюсь всем тем, что могу делать. «Кто рано встает – тому Бог дает», встаем наперегонки с рассветом и принимаемся за набившие оскомину будничные дела и обыденные хлопоты.

– Агай, вы говорите как-то странно!

– Я всегда так разговариваю, калкам⁹.

– Вы сказали «калкам»?

Та, которую он назвал сестренкой, закрыв ладонями лицо, затряслась от беззвучного смеха и убежала. Потом она сказала на ухо пронирыливому джигиту, который привел Кареке: «Этот мужик какой-то странный, разговаривает, как старик. Кто он вообще такой? То ли акын, то ли умом тронутый».

Подвыпив в компании парней и девочек, Кареке пьянел, и ему обычно хотелось спеть песню. Зная об этом наперед и желая показать только что сбежавшей со свидания девушке скрытые достоинства Кареке, плутоватый джигит начинает приставать к нему: «Спой-ка нам что-нибудь, ведь ты любишь петь?!» В таких случаях Кареке не отказывается. И сейчас взял и, надсаживая глотку, затянул: «Не деву-ушка»:

Не девушка, беда над головою,
Как подшутить могла ты надо мною.
Днем обещала, ночью убежала,
Теперь сiju в обнимку с пустотою.
Ой, гок, иги-ай-иги-ай, иги-ай.

По дороге домой ровесник, расхохотавшись от души, говорил ему: «Ну, ты дал жару, Кареке! Поехали на поиски девушки, а ты возьми да и сморозь: “Не девушка ты вовсе”! У тебя что, песни другой нет, кроме этой? Вот и вернулись теперь ни с чем!»

* * *

Не-ет, Кареке не возвращается оттуда ни с чем, он перенесет образ «сестренки» в свою память, сохранит навсегда его в своем сердце. Придя домой, осторожно, на цыпочках пройдет в свою комнату, чтобы не разбудить спящую мать, без шурушания и шелеста разложит перед собой листы бумаги и примется рисовать ту девушку, с которой только что был на свидании. Картины, остававшиеся тайной даже для ровесников, писались именно после этих поездок в соседние аулы с целью знакомства. Обнаженные девицы-красавицы... Конечно, не совсем уж ничем не прикрытые. Но эти женщины, чьи соблазнительно статные фигуры в плотно облегающих тонких колышущихся шелковых платьях призывно манили к себе, вызывали бы вожделение у любого, кто хотя бы разок взглянул на рисунки. В любой из этих картин Кареке неизменно присутствовал силуэт джигита, нежно прижимающего к

⁹ Милая моя, голубушка.

себе прекрасную деву. Таким он изображал себя самого. Силуэт этот иногда стоит от красавицы в отдалении, выражая всем своим видом страстное влечение к ней. Надменно гордая красавица как бы не замечает парня. А может, и замечает, но демонстративно смотрит куда-то вдаль, делая вид, что ей не до него.

После того как Кареке сотрет с картины лишние оттенки, насытив ее только нужными красками, он, тяжело вздыхая, шепчет: «Свет мой, саулем, стань же моей любимой женой!» О, сколько же раз, обнимая изображение девы, нарисованной им, обращался Кареке с мольбой к Творцу-Создателю с просьбой превратить мечту в реальность... «Явись же, – шептал он, – не оставайся безжизненной картиной, растопи мое тело своим горячим дыханием, наполни светом мой мир, приди ко мне неожиданно, милая. Сойди ко мне с листа этой бумаги. О прекрасная, выйди и зажги свет моей души!» Но молчали жестокие, неприступные красавицы... Затем сердце Кареке начинало учащенно биться, он прикасался дрожащими руками к пышным грудям девы на картине, к ее лебединой шее, к полным губам, жаждущим поцелуя, к желанным соскам, к тонкой с крутым изгибом талии, кончиками пальцев притрагивался к нежным, охваченным легкой дрожью бедрам, которые готовы вот-вот раздвинуться, и, закрыв глаза, испытывал блаженное наслаждение.

В один из вечеров, когда сгустились сумерки и медленно стал наползать мрак, Кареке увидел по телевизору необычайной красоты девушку, одетую в черное платье. Репортаж был из Сирии, охваченной войной. И там оказалась эта казахская девушка! Она рассказывала о том, какую ужасную шутку сыграла с ней судьба, при этом из глаз ее обильно текли слезы. Девушка эта, поддавшись влиянию подруги, вступила некогда в какую-то религиозную секту, отреклась от родителей, родственников и близких, перестала с ними общаться, хоть и продолжала учиться в вузе. В тот день, когда она наконец получила диплом по специальности учителя английского языка в средней школе, всё та же подруга познакомила ее с парнями из не знакомой ей доселе компании. Знакомство это сблизило ее с самым видным из них, с которым она вначале тесно общалась, поверяя ему свои тайны, а потом знакомство переросло и в любовь. Вскоре они поженились. Супруг сказал ей: «В нашей общине бытуют свои традиции и обычаи, мы не устраиваем пышных и богатых свадеб с беташаром¹⁰ и пиром на весь мир, не признаем сватовства, а наши браки скрепляются с одобрения шейха Омара из Саудии». Однажды он сообщил ей: «У меня за границей важные дела, мне придется слетать туда», и тут же исчез. В один из дней на ее сотовый телефон поступило ужасное видеописьмо. В нем ее муж со слезами на глазах сообщал: «Ахи¹¹ дадут тебе денег, возьми их и быстро прилетай в Турцию. Со мной стряслась беда!» Она тотчас же полетела в Турцию и прибыла по нужному адресу, где ей сказали: «Твой муж сейчас в Сирии, там ты его и найдешь». Затем забрали оставшиеся деньги и проводили ее в дорогу, дав адрес человека, который поможет разыскать мужа. В Сирии вовсю шла война, но деваться было некуда – как же бросить в беде любимого?!

Приехав в Сирию и встретившись с человеком, который должен был ей помочь, девушка вдруг поняла, что оказалась в ловушке. Неприветливый человек ничего не сказал о муже, но сразу же отнял у нее документы, а затем поместил ее в квартиру без окон, располагавшуюся в подвале полуразрушенного дома. Там, к ужасу своему, девушка обнаружила нескольких подруг по несчастью. Все они

¹⁰ Обряд снятия покрывала с лица невесты и песня благопожелания, сопровождающая его.

¹¹ Ахи (араб.) – брат.

прибыли из разных стран, но у каждой была одна и та же история: сначала влюбленность, потом брак, а затем муж исчезал и просил его разыскать... Девушка не могла поверить в такой обман: неужели и ее возлюбленный оказался аферистом и мерзавцем? Как он мог предать ее, неужто все его уверения в любви были ложью?! Участь пленниц была незавидна: вскоре им прямым текстом сказали, что они являются собственностью какого-то известного полевого командира. Что они, мол, прибыли в Сирию с целью шпионажа и теперь могут избежать смерти и искупить свои грехи лишь одним способом – ублажая боевиков. Сколько ни плакали девушки, сколько ни просили и ни умоляли отпустить их, уверяя, что приехали к своим мужьям, – всё было напрасно. Присматривающие за ними автоматчики только ухмылялись, отпуская сальные шуточки. И началась у героини репортажа жизнь, которую можно сравнить с адом. Бессчетное количество раз подвергалась она насилию, но ничего не могла поделать, и только ночью беззвучно рыдала, вспоминая родню, от которой так легкомысленно отреклась, проклиная себя за беспечность, за легкомысленную влюбленность.

Так продолжалось до того дня, когда ей удалось бежать из заточения во время мощного артобстрела. Она долго пряталась в руинах, питалась какими-то объедками или вовсе голодала, пока случайно не наткнулась на съемочную группу из Франции, которая укрыла ее в своем микроавтобусе, а затем сняла о ней репортаж, облетевший весь мир. Этот-то репортаж и увидел Кареке.

Но художника потрясла и заставила задуматься скорее даже не ужасная судьба, постигшая девушку, а ее обильные слезы и черные блестящие очи. Уповая на свой карандаш, Кареке склонился над белым листом бумаги. Попытался было по заведенной им привычке обнажить девушку, сняв с нее черные покровы. Однако образ девушки противился этому и не желал предстать перед ним обнаженным. «Вытащу, – произнес художник, – дорогая, не упрямясь. Обнажишься и вольешься в ряды моих канизаков¹²». Вначале он обозначил черемухово-черные зрачки ее глаз. Затем начал наносить контуры лица.

Наверное, оно должно быть утонченным, с узкими скулами и слегка продолговатым. Да, именно таким... Но, похоже, подбородок получился слишком вытянутым. Подобный овал выставит красавицу чересчур холодной, без тепла в душе. Или же следует всё-таки придать овалу ее лица округлость? Нет. Округлые контуры сделали лицо полным, не гармонирующим с прекрасными глазами. А что если женщине, перенесшей столько страданий, немного сузить овал? Лицевые кости выпирают, щеки осунулись, на бледном лице проступают следы неизбывного горя. Такая женщина вызовет у любого человека чувство сострадания, но в то же время эти удивительные глаза требуют иных чувств, слово просят тебя: «Не унижай меня жалостью, не разделяй мое горе, не входи в его глубины, постарайся понять меня, подари мне надежду».

Но попытка найти неожиданное решение в палитре оттенков черного цвета, когда черные глаза сливаются с черным платьем, тоже не удалась. Черное платье поглотило слезы, капающие из черных глаз, – и художник застыл как истукан. «Ох уж эти глаза! – сокрушенно вздохнул Кареке. – Что же мне делать с вами?» С этой ночи он начал постоянно бормотать непонятные, бессвязные слова и фразы: «жалостливые глаза», «прекрасные очи», «поганные глаза», «дьявольские глаза». Уход

за старухой-матерью, за хозяйством, будничные дела и заботы, которые не терпят никаких отлагательств, – всё это осталось где-то в стороне. Иногда скотина не выгонялась на пастбища и жалобно бляла и мычала, запертая в сарае. Вовремя не заглаживалась печь, не кололись дрова, не приносилась вода. По воду и за хворостом, едва переставляя ноги, тащила старуха мать. Тогда она рассказывала соседям о своих переживаниях: «Чую, сглазили его... Всю ночь напролет мечется в бреду и без конца твердит: “Глаза, глаза”. И днем сидит неподвижно, уставится в одну точку и бубнит: “Глаза, глаза”. Кто-то, видать, порчу навел на моего жеребеночка...»

Беда, свалившаяся на голову Кареке, тяжело огорчила добрых, сердобольных и отзывчивых жителей Тущибулака. «Такой достойный человек, но, оказывается, если Богу так уж угодно наказать кого-то, то он это сделает, – говорили они. – Что же теперь?!» После этого аульчане решили: «Надо лечить Кареке. Иначе будет худо. Этот несчастный в конце концов сойдет с ума». В недолгом времени всех облетела ужасная весть: «Кареке сошел с ума. Дом его заполнен рисунками женщины в черном платье, всяких мрачных чудищ. Не приведи Господь увидеть такое воочию – волосы дыбом встанут».

В словах этих была немалая доля истины. Потому что с тех самых пор, как по телевизору показали красивую незнакомку со смородиново-черными глазами, одетую в черные одежды, Кареке неизменно макал кончик кисти только в черную краску и постоянно рисовал черные картины – одна другой мрачнее. Черная ночь: из непроглядного мрака выглядывают чьи-то жуткие глаза; на вершине черной горы видны глаза, обращенные с мольбой к небу; темный лес: над ним зловещей тенью нависли черные-пречерные глаза; нависшая туча: из-за нее выглядывают черные глаза; мрачное зеркало: в него глядятся черные глаза; беспросветная ночь: посреди нее темнеет озеро, рябь которого напоминает глаза; на потрескавшемся боку черного казана россыпь жутких зрачков... Некоторые из этих картин висят на стене, иные заняли место на оконных рамах и по краям дверных косяков. А сколько их беспорядочно разбросано на полу! Пять пар глаз смотрят с потолка. Глаза, глаза, глаза повсюду, их такое великое множество, что и шагу ступить некуда. Те из людей, кто желал пройти к почетному месту, что находится напротив входной двери в комнату, вынуждены были подпрыгивать, будто наступили на горящие уголья, и ставили ноги на свободное место, чтобы ненароком не наступить на рисунки. После этого народ, посоветовавшись, явился к мудрому аксакалу Агымсалы баба, возраст которого превысил девять мушелей¹³. Агымсалы, поглаживая белую бороду, закрывавшую его белоснежный бешпет¹⁴ по самую грудь, сказал: «Нынче уж нет прежних баксы¹⁵. Если бы они жили среди нас, то сами пришли бы к Кареке. Однако, кажется, Каракенею передалось кое-что от этих кудесников, разыщите его».

Как только парни услышали эти слова старца, то сразу же помчались на авто к Каракенею, всегда ходившему с непокрытой головой¹⁶, жившему в одиночестве в глухом месте на берегу реки Шинжилы. Спустя два дня в послеполуденное время в Тущибулаке появился, трясясь всем телом, баксы. Парни, ездившие за ним, перебивая друг друга, начали рассказывать о нем всякие небылицы:

¹³ Древнее исчисление возраста человека по двенадцатилетнему циклу; двенадцатилетний животный цикл (первый цикл заканчивается тринадцатилетним возрастом – 13, 25, 37, 49 лет и т. д.).

¹⁴ Легкая приталенная одежда на подкладке до колен.

¹⁵ Баксы – шаман, знахарь, лечащий болезни изгнанием злых духов и нечисти.

¹⁶ Стариком по казахским обычаям считалось неприличным ходить с непокрытой головой; тем самым баксы демонстрировал свою полную независимость.

– Ох, Боже мой, с каким же трудом нашли мы баксы. Весь день, всю ночь мы гоняли туда-сюда вдоль русла Шинжилы, да так и не увидели его, а когда отчаялись и не знали, что делать, когда собрались было уже возвращаться, как вдруг, хотите верьте, хотите нет, из водоворота размером с шанырак взял да и вышел наш баксы. Но, несмотря на это, он не промок ни капельки...

– Да разве обычному человеку понять, о чем говорит баксы?! Всю дорогу он бормотал какие-то непонятные речи: «Я прошел по дну реки и вдоволь повеселился на торжествах владыки реки Умме». Мы стали рассказывать о Кареке, но он перебил нас: «Молчите и не несите всякую чушь, я и без вас об этом знаю».

– Мы хотели было ему рассказать, что Кареке с раннего утра до позднего вечера сидит и рисует глаза, и спросить, с чем это связано, но он высунул голову из окна машины и закаркал во всю глотку, как ворона. Как только он прокаркал несколько раз, так откуда ни возьмись появилась какая-то ворона и долго потом летела рядом с машиной...

– Ну, хватит. Что сказал баксы?

– Говорит, надо принести в жертву черную овцу без единого пятнышка.

– Непросто будет найти черную овцу, чтоб совсем была без пятнышка.

Джигиты стали шутить:

– Если не найдется, попросим Кареке, возьмет и покрасит овцу в черный цвет.

Старшим по возрасту такая неуместная шутка пришлась не по нутру, и они нахмурили брови:

– Чего зубы скалить? Человеку на душе тяжело, он с джиннами борется! Хоть в соседнем ауле найдите.

Но черная овца всё же нашлась, и не где-нибудь, а в сарае у Кареке. Люди отнесли это к доброму предзнаменованию и обрадовались. Баксы велел зарезать черную овцу. Затем нагрел на огне жестяной ковшик. Накидал в него жира, снятого с трубки, растопил его и бросил в ковшик синюю тряпочку. Сделав это, вошел в комнату, где сидел Кареке. Народ, толпившийся в доме, вышел во двор. Спустя время, за которое бы успело вскипятиться молоко, задыхаясь от дыма, попавшего в горло, наружу выскочил баксы:

– Принесите печень черной овцы!

Схватив печень, с воплями и криками бросился он в дом. Те, кто подглядывал в дырки затянутого пленкой окна, в зазор между дверным косяком и стеной, рассказывали потом: «Ойбай, ужас, что там творилось! Ойбай, и рассказывать жуть, как страшно! Баксы влетел с печенью в комнату Кареке, превратился в черного буру¹⁷ и дико заревел. В этот момент Кареке обернулся грозным драконом. Тогда баксы стал черным копьём и метнулся в него. Но Кареке перевоплотился в щит и отбил удар. Потом баксы превратился в черного кота и начал читать молитву, а Кареке, став черной змеей, принялся завораживать его. Баксы, обратившись в толстую плеть, начал было хлестать Кареке, но тот, превратившись в соил¹⁸, стал отмахиваться. Но вдруг баксы принял облик девушки, одетой в черное-пречерное платье, начал изгибаться-извиваться перед Кареке, и тот, вытянув руки, рухнул прямо на нее. Но баксы обернулся черным вороном и улетел...» Так и не удалось ему излечить Кареке.

¹⁷ Бура – верблюд, обладающий внушительными размерами и силой.

¹⁸ Дубина.

После баксы, который явился сюда по земле, а убрался, улетев в поднебесье, в ауле появился мулла. «Он истинный кари¹⁹, знающий наизусть весь Коран, если кто и может избавить Кареке от недуга, так, видимо, только он», – говорили между собой друзья художника. Хотя мулла на вид был человеком пожилым, с густой длинной бородой до самого пупка, но на самом деле оказался средних лет мужчиной в возрасте чуть больше сорока лет, шагал так бодро, что штанины коротеньких брюк развевались на ходу. Выяснилось, что он человек несколько заносчивый. Когда его вежливо попросили прочесть молитву, посвященную духу прашуров Кареке, он тут же вспылил: «Я сюда не больных аруахов²⁰, а недужного человека пришел лечить!» «Да, конечно же, ваша святость, вам виднее, поступайте, как сочтете нужным», – безропотно согласился с ним народ. Мулла отправился посмотреть на Кареке, сидевшего в своей комнате и тупо уставившегося на белый лист бумаги. Бедный Кареке... Его было не узнать. Лицо осунулось и побледнело. Волосы ниспадали на опущенные плечи, подбородок оброс бородой. Глаза ввалились, щеки глубоко впали. Ногти отросли. Не отличавшийся упитанностью и прежде, он тут и вовсе отощал, казался еще сухошавее и длиннее, чем прежде.

– Сильно болит голова? – спросил у него мулла. Кареке помотал головой.

– Болит, оказывается, – сказал мулла, глядя, как Кареке мотает головой.

Затем красиво, нараспев прочитал суру²¹. Кареке звучно рассмеялся.

Мулла вышел к людям и сказал:

– Он сейчас смеется. Это потому, что в него вселился джинн. Буду читать молитвы, три дня, три ночи буду читать.

И действительно, три дня и три ночи без перерыва мулла читал молитвы. Жители аула Тущибулак растроганно слушали приятный голос муллы, напевно читавшего суры и аяты. А тем временем Кареке крепко уселся на неумоимо скачущего тулпара своего вдохновения. За эти три дня он создал образ Неба, которое опускалось на устремленные к нему огромные глаза. Ужас! Глаза приворожили само Небо...

– Люди, не обессудьте, – спустя три дня обратился ко всем мулла, – я сделал всё, что было в моих силах.

От первоначальной спеси муллы не осталось и следа, он стал очень смиренным и кротким.

– Джинн, вселившийся в него, оказался слишком сильным, – сказал он в заключение, сохраняя смиренность и кротость. – Но все же, кажется, удалось слегка его усмирить. Надежда на излечение есть. Больной охвачен страстью к созданию женского рода, которая носит никаб. Иншалла²², если он сочетается браком с такой богобоязненной женщиной и по воле Аллаха ступит на праведный путь, то сможет полностью избавиться от своего недуга. Поэтому вы отдайте нам в руки Кареке. Место этого джигита – в нашей общине.

– Молдеке²³, – обратились к нему сердобольные жители Тущибулака, – тысяча и одно вам спасибо за ваши благие намерения и искреннее сочувствие! Но зачем вам Кареке? Пусть он остается вместе с нами, вдруг ему станет лучше. Может быть, здесь он и встретит такую девушку.

¹⁹ Чтец Корана, читающий его наизусть.

²⁰ Аруахи – духи святых, духи святочтимых предков.

²¹ Глава из Корана.

²² На всё воля Аллаха!

²³ Уважительная форма обращения к мулле.

– Будь по-вашему, – согласился с ними и мулла, радуясь в душе, что смог легко избавиться от такой обузы, как Кареке.

После того как мулла уехал, ровесники Кареке стали держать совет.

– Тот человек, – обратился ко всем хитрый парень, который таскал с собой художника по аулам, где были девушки на выданье, – дал умный совет. Надо нам во что бы то ни стало окончательно женить этого недотепу. Помните, молдеке сказал: «С мешком на голове?»²⁴» Ему просто нужна девушка, какой бы мешок ни был у нее на голове.

– Не мешок – «нихап», – поправил его кто-то.

С того дня друзья-ровесники ради Кареке обшарили все окрестные аулы в поисках какой-нибудь девушки, одетой в нихап. Как назло, такую в сельской местности им найти не удалось, и, приложив немало усилий, возвратились они назад несолоно хлебавши. В городе одетых в черное и обмотавших голову черными платками оказалось немало. Однако ровесники Кареке, умевшие найти общий язык с любой из сельских девушек, не сумели здесь сблизиться с теми, кто вырос в другой среде и был воспитан в совершенно иных традициях. Джигиты уже было потеряли всякую надежду, придя в полное отчаяние, но вдруг наткнулись на одну бездомную девушку. Бойжеткен была круглой сиротой и выросла без родителей. Несчастливая, будучи в отчаянном положении, не зная, куда ей податься и что делать, на деле оказалась неглупой девушкой, и когда внимательно выслушала рассказ простых, бесхитростных аульских парней о Кареке, то прониклась к нему состраданием. Поверила обещаниям джигитов, что они всячески будут заботиться о ней, согласилась надеть и нихап. Таким вот образом, посчитав дело сделанным, ровесники Кареке еще до своего возвращения в аул отправили туда радостную весть.

– Суюнши²⁵, сородичи, суюнши! В наш аул едет та самая дивная красавица в черном платье, которую Кареке видел по телевизору! Невеста едет! Едет долгожданная черноокая, которая свела с ума Кареке!

Суюнши, взволновавшее, казалось, даже окрестные доли и горы, а не то что всех жителей аула, заставило Кареке ожить. Да и его старая мать была вне себя от радости. Сразу же забежала, засуетилась. Открыв крышку своего сундука, перерыла всё, что там было. Раздала молодыхам, заглянувшим в дом, все свои дорогие украшения, не обделила подарками, которые положено вручать в таких случаях согласно обычаям, и вошедших к ней с обиженно-плаксивым выражением женщины почтенного возраста, чем вызвала их искренний восторг. Довольным казался и Кареке. «Ай да молодцы мои друзья, всё им по плечу, всё, что захочешь, найдут, всё отыщут», – говорил он, смеясь от души. Старики, вспомнив что-то из своей молодости, тоже возбужденно переговаривались между собой. И всё же радость, охватившая простодушных сельчан, моментально погасла, едва черноокая девушка вошла в сени. Потому что, как только Кареке увидел милое создание, одетое в черное платье, так сразу же воскликнул: «Не она!»

– Джигиты, та, которую вы привели, не похожа на ту, которую я видел.

– Нет, это она, она самая. Открой глаза пошире, взгляни внимательно! – закричал один из друзей-сверстников, которые, выбившись из последних сил, вдоль и поперек обошли улицы огромного города. – Взгляни внимательно, неужто ты не видишь ее смородиновых глаз?

²⁴ Здесь игра слов: «никап киген» – надевшая никаб, «не кап киген» – одетую в мешок.

²⁵ Возглас, предшествующий сообщению радостной вести.

Выкрикнув это, он сорвал с девушки черные покровы, скрывавшие ее лик. Когда покровы спали, то на Кареке исподлобья смущенно смотрели большие глаза молодой, в самом соку, красавицы.

Пролетали месяцы, пробегали годы. Огромные пестрые облака проплывали над высокими вершинами Джунгарского Алатау. Жизнь аула вновь вошла в свой оживленный ритм. Ничего не изменилось. Изменился только Кареке. Да, он уже, как прежде, не бредит глазами, приворожившими его. Но, войдя в образ печального, замкнувшегося в себе человека, ходит, вперив свои глаза куда-то вдаль. Сейчас ровесники его особо не ищут, да и перестали надоедать ему просьбами нарисовать их портрет. Никто из людей аула, увидев Кареке, не говорит ни слова о картинах. Боятся: «Как бы, грешным делом, бедолагу снова не охватила прежняя одержимость». В один из таких дней пронесся слух: «Говорят, Кареке взбрело в голову ночевать у родника Тамшибулак». Да и сам Кареке, будучи среди людей, не раз говорил: «В Тамшибулаке, в Тамшибулаке я нашел, что искал», – пока однажды не исчез куда-то. Пропал.

Горько рыдала, изливая горечь, накопившуюся в душе, старуха мать: «Что за горе свалилось на меня, старую да дряхлую?! Не знаю, то ли джинн его погнал куда-то, то ли шайтан увел за собою, но вот уже неделя прошла, скоро уж минет месяц, как нет рядом со мной Кареке, ума не приложу, где он. О мой народ, о сородичи, поспедействуйте, помогите, найдите хотя бы кости моего жеребеночка Кареке». Вновь зашумел-загудел Тушибулак. Ужас объял весь аул. Следом за жоктау – поминальным плачем о Кареке напуганный до смерти народ всем миром бросился искать его, словно весь аул могло постичь несчастье. Однако искать пришлось недолго, Кареке нашли быстро. Возле родника Тамшибулак. Это было одно из чудных творений Создателя. Огромный утес, с поверхности которого зимой и летом непрерывно двумя тоненькими, как слезы из глаз, струйками стекала вода, упирался в густой лесной массив Сарытау. И место, откуда стекали две струйки, о Всемогущий Аллах, превратилось в глаза, в настоящие большие навывкате глаза. Прямо из них, как слезы, струились и стекали вниз бусинки капелек. Узрев такое диво, люди аула, испив воду пригоршнями, поклонились ему.

Прошли знойные дни сарша тамыза²⁶, приближалась осень. Когда слух о «глазах», выразительно «нарисованных» Кареке на утесе, из которого бил родник Тамшибулак, гуляя из аула в аул, дошел и до дальних городов, в школе аула Тушибулак появилась молодая учительница английского языка Гультунук...

...Алматинский вечер. Джигиты из Тушибулака сидели, скрывшись от городского шума в уютном ресторане, и вели оживленную беседу, находясь в компании старшего по возрасту земляка-писателя. После расспросов о жителях аула и их житье-бытье разговор коснулся «глаз» Тамшибулака.

– Как там Кареке, успокоился? – спросил писатель.

– Да, Кареке стал бравым джигитом, – ответил писателю один из парней, прихорютившийся ему младшим родственником и поэтому позволявший себе разговаривать достаточно смело. – Хозяйство отлажено крепко. Примерный семьянин.

– А он создал семью? Ну, живет вместе с той черноокой, которую так сильно желал?

²⁶ Конец июля, начало августа.

– Нет, ага. Имя этой желанной черноокой – Гульбаршын. Она стала сестрой Кареке. Вы ведь знаете, что Кареке – чистой души человек, он взял под свою опеку бездомную сироту, разodel в шелк и парчу и своими руками выдал ее замуж. А сам... сошелся с возлюбленной... с той самой, которую увидел по телевизору.

– Имя у нее просто удивительное, – мигом встрял в их разговор еще один бойкий на язык джигит из Тущибулака. – Гультунык. Хоть и оступилась, хоть и хлебнула лиха, но не пала духом. Выстояла и нашла свое счастье. А нашла она его в нашем ауле – на ферме, где встретилась случайно с Кареке. Он как только увидел Гультунык, так сразу повел ее к роднику Тамшибулак, показал ей «глаза» и сказал: «Это точно твои глаза». Так они сошлись и поклялись быть вместе.

Услышав это, писатель загадочно улыбнулся и сказал:

– Пигмалион. Видно, на «Пигмалиона» из нашей фермы снизошла благодать самой Богини любви – Афродиты.

Перевод Романа Токбергенова.

Даурен Куат родился в 1973 году. Окончил факультет журналистики Казахского национального университета им. аль-Фараби. Автор прозаических сборников «Әлқисса» («Одним словом», 2015 г.) и «Бәрісоқпақ» («Волчья тропа», 2018 г.). Рассказы Даурена Куата переведены на японский, турецкий и русский языки. Лауреат литературной премии имени М. Кашгари, утвержденной для писателей тюркского мира (2013), и литературной премии имени Г. Мусрепова (2014).

